

УДК 327

Л.Н. Гарас, канд. филос. наук, доцент**Р.В. Ткаченко, ст. преподаватель***Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***КОНЦЕПЦИИ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Акцентируется внимание на проблеме социально-политического прогнозирования и тенденциях развития современных геополитических процессов. Проводится сравнительный анализ концепций конвергенции и дивергенции цивилизаций.

Ключевые слова: *социально-политический прогноз, геополитический процесс, конвергенция, цивилизация.*

Знание будущего является очень важным для настоящего, поэтому на современном этапе развития общества большая роль отводится прогнозированию. Социально-политические процессы, как правило, не описываются в терминах математической вероятности: они подчиняются динамическим закономерностям, проявляющимся в качестве тенденций. Поэтому социально-политическое прогнозирование в принципе способно выявить лишь объективные тенденции развития процессов, а не в буквальном смысле предсказать их точное развитие. Прогнозирование основывается на анализе логики реальных событий, опирается на достоверные факты и культурно-исторический контекст, а не на желательный образ будущего или некую нормативную модель развития общества.

Анализ развития политической организации мира, пространственных аспектов взаимодействия между государствами, роль на международной арене негосударственных политических акторов, выявление основных тенденций развития геополитических процессов является важным заданием социально-политического прогнозирования. Поэтому в данной статье мы проведем сравнительный анализ двух версий развития геополитического процесса, выступающих как антитезы: концепция конвергенции границ (Фрэнсис Фукуяма «Конец истории и последний человек») и концепция столкновения цивилизаций (Самюэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций»).

В труде «Конец истории и последний человек» (1992) Ф. Фукуяма прогнозирует практическое исчезновение всех дифференцирующих тенденций в мировой социально-политической системе и глобальную рецепцию либеральных институтов и рыночной экономики, являющихся своеобразными символами западной цивилизации. Анализируя тенденции истории с позиции Гегеля и неогегельянства, Фукуяма отстаивает тезис о том, что западные социально-политические и экономические институты приобретают в современном мире универсальное значение, так как являются наиболее оптимальными «инструментами» для удовлетворения различных потребностей социума. «Писавший в двадцатом столетии великий интерпретатор Гегеля А. Кожев решительно заявлял, что история закончилась, поскольку то, что он называл «универсальное и однородное государство», а мы понимаем как либеральную демократию, определённо разрешило вопрос о признании путём замены отношений господина и раба универсальным и равным признанием» [1]. Таким образом, в данной интерпретации, ценности западного мира выступают своего рода гегелевским синтезом, в котором разрешается вопрос о противостоянии между тезисом и антитезисом.

Тенденция к истиранию границ между различными цивилизационными (и этнорелигиозными) системами, движимая всеобщим стремлением к достижению экономического процветания, выступает в данной парадигме как процесс не только глобальный, но и необратимый.

«По мере приближения к XXI веку глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится всё очевиднее. Напротив, большая часть уходящего столетия была временем глубокого идеологического размежевания общественных систем. Монархия, фашизм, либеральная демократия и коммунизм яростно сражались за первенство в политической сфере, а в экономике государства вступали на расходящиеся пути протекционизма, корпоративизма, свободного рынка и централизованного планирования. И, тем не менее, сегодня практически все развитые общества либо уже имеют либерально-демократические институты, либо пытаются их учредить, а в хозяйственном плане многие разворачиваются к рынку и ориентируются на участие в глобальном капиталистическом разделении труда» [2].

Распад Советского Союза, включение Китая в глобальную мировую экономическую систему, ставшее возможным после реформ Дэн Сяопина, распад Варшавского договора и присоединение восточноевропейских стран к блоку НАТО – все эти события, по мнению Фукуямы, выступают в качестве звеньев одной цепи и доказывают справедливость его тезисов. Так, распад Советского Союза, по его

мнению, был вызван рядом причин, главенствующими из которых являются причины экономического характера. Именно централизованная советская административно-командная система, не способная удовлетворить потребности социума, явилась главной причиной упадка экономики СССР. Справедливости ради, стоит отметить, что другие государства в своей истории также переживали значительные экономические спады, хотя это и не приводило к столь масштабным и негативным последствиям. Например, в период Великой Депрессии внутренний национальный продукт США упал почти на треть, но данный факт не привёл к крушению государства. Однако для понимания истинных причин распада Советского Союза необходимо рассматривать экономическую составляющую в корреляции с иными аспектами. Так, провал в экономике вызвал своеобразную цепную реакцию и привёл к неизбежному вопросу о легитимности всей системы в целом. И в качестве эталона для измерения эффективности и жизнеспособности (а, вернее, нежизнеспособности) данной системы были выбраны стандарты западной либеральной демократии: продуктивности рыночной экономики и свобода демократической политики.

Несколько иная ситуация, в которой однопартийная политическая система проявила себя как более гибкое образование, сложилась в Китае. «В Китае в атмосфере относительной свободы, превалировавшей с 1978 до закручивания гаск в 1989 (*имеются в виду события на площади Тяньаньмэнь*), очень быстро возродилось гражданское общество – в виде самостоятельных организаций бизнесменов, предпринимателей, неформальных групп и так далее. Китайские лидеры рассчитали, что им проще обеспечить себе легитимность, взяв на себя роль агентов модернизации и реформирования Китая, а не «твердолобых защитников марксистской ортодоксии» [1, с. 72]. Однако в качестве ориентиров здесь также были выбраны критерии западной либеральной демократии и свободного рынка. Рассматривая в целом экономический рост азиатских государств (Тайваня, Южной Кореи, Малайзии и др.) в послевоенный период, Фукуяма приходит к выводу, что капитализм – это путь к экономическому развитию, потенциально доступный всем странам.

Однако автор «Конца истории» задаётся вопросом: почему рецепция принципов капитализма столь легко прошедшая в одних регионах, сталкивается с препятствием в других? В качестве примера подобной территории, с трудом воспринимающей (либо вообще отвергающей) ценности западной либеральной демократии приводится Латинская Америка. Причина данного факта, по мнению Фукуямы, кроется в культурных, социальных и религиозных особенностях народов Латинской Америки (любопытно, что в данном случае, позиция Фукуямы несколько сближается с позицией его оппонента – Самюэля Хантингтона). «В то время как Северная Америка унаследовала философию, традиции и культуру либеральной Англии, возникшие после «Славной революции», Латинская Америка унаследовала многие феодальные институты Испании и Португалии семнадцатого и восемнадцатого веков. Среди них – сильная склонность испанской и португальской короны контролировать экономическую деятельность к вящей славе своей, практически известная под именем меркантилизма» [1].

Выделяя методологический аспект, можно отметить, что в соответствии с концепцией Фукуямы, все западные сообщества выступают всего лишь в роли будущей проекции западных ценностей (здесь мы снова сталкиваемся с проблемой экстраполяции). Акцент в данной концепции делается на вариативной исчерпанности любых альтернатив либеральной демократии и рыночной экономики. Именно по этой причине, западные социально-политические институты и система ценностей подлежат повсеместному распространению, вне зависимости от того, нравится ли это другим субъектам на международной арене или нет.

Работа Самюэля Хантингтона (директора Института Стратегических Исследований им. Дж. Олина при Гарвардском университете) «Столкновение цивилизаций» увидела свет в 1996 г. и является своеобразным резюме большого геополитического проекта «Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы». Стоит отметить, что ключевые аспекты, детально разработанные в данном труде (полицивилизационный мир, вопросы этнорелигиозной самоидентификации, локализация конфликтов и др.) были изложены автором несколько раньше. Летом 1993 г. в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», посвящённая анализу современных тенденций в области геополитики. Данная публикация вызвала значительный общественный резонанс и заинтересованность, как представителей научных кругов, так и широкой общественности.

Автор «Столкновения цивилизаций» рисует картину настоящего (а, также и будущего) основываясь на идее нелинейности истории и полицивилизационности. Хантингтон интерпретирует всемирную историю именно как историю цивилизаций, а не экономических формаций либо отдельных наций-государств. Конечно же, Хантингтон не является первопроходцем в данной области. Проблемой генезиса цивилизаций как локальных культурно-исторических образований занимались в своих работах Г. Рюккерт, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, Ф. Бродель и др.

Значительный вклад в изучение природы цивилизаций внёс английский историк А.Дж. Тойнби. Необходимо заметить, что именно на его исследования активно ссылается в своей работе Хантингтон. Действительно, в аналитических позициях Тойнби и Хантингтона мы можем найти много общего (например, акцентирование внимания на уникальности природы каждой цивилизации, критическое

отношение к западнцентризму и пр.). Кроме того, как у одного, так и у другого мы встречаем своего рода «антифукуямовские» тезисы (несмотря на то, что работы Тойнби были опубликованы задолго до появления «Конца истории»). В своём фундаментальном труде «Постижение истории» Тойнби указывал: «тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора. Во-первых, подобный взгляд на современный мир следует ограничить только политическими аспектами социальной жизни, но никак не распространять его на культуру, которая не только глубже первых двух слоёв, но и фундаментальней... Во-вторых, догма «единства цивилизации» заставляет историка игнорировать то, что непрерывность истории двух родственных цивилизаций отличается от непрерывности двух последовательных глав истории одной цивилизации... В-третьих, они (*историки, стоящие на позиции западнцентризма*) попросту игнорируют этапы и главы истории других цивилизаций, если те не вписываются в их общую концепцию, опуская их как «полуварварские» или «разлагавшиеся»...» [3].

Из данного видно, что в целом цивилизационные штудии Хантингтона вполне совпадают с тезисами Тойнби. В понимании Хантингтона цивилизации представляют собой некие динамические культурные сущности, обладающие определёнными аспектами, в которых отражаются различные уровни культурной неоднородности. Именно данные аспекты (язык, религия, ментальность и др.) и выступают основой для самоидентификации цивилизации. «Западный мир, арабский регион, Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень идентичности людей... Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации» [4].

Данных цивилизаций, на сегодняшний момент, в своей классификации Хантингтон выделяет восемь, а именно: западную, православную, исламскую, конфуцианскую (синскую), японскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую. Цивилизационное деление, по мнению Хантингтона, в большей степени отражает реалии сегодняшней геополитической ситуации, чем двуполярные схемы (например, «Восток – Запад» и др.) либо различные мультивекторные подходы типа «184 государства – 184 системы».

«Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, мы избегаем множества подобных сложностей. Эта модель не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно- и двухполюсного мира; в то же время она не жертвует абстрагированием в пользу реальности, как статическая или хаотическая парадигмы. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира и определения того, что важно и что не важно среди многочисленных конфликтов, предсказания будущего развития, а также даёт ориентиры политикам» [5].

Однако не стоит рассматривать цивилизации как некие образования конституированные по единым унифицированным принципам. Так, например, цивилизации могут разниться по количеству геополитических центров (стержневых стран) в их границах. В качестве примера можно рассмотреть православную цивилизацию (с одним стержневым государством – Россией), западную цивилизацию (здесь мы можем наблюдать уже два центра – Западную (и частично Центральную) Европу и США с Великобританией. Любопытно, что между этими двумя центрами не всегда возникает взаимопонимание по геополитическим вопросам), а также цивилизации с несколькими стержневыми государствами (исламская цивилизация).

Стержневая страна может выполнять консолидирующие функции и поддерживать порядок в регионе только в том случае, если иные страны воспримут её как культурно идентичную. Так как цивилизация выступает как некий конгломерат, то для стержневых государств становится крайне важным обладание не только силовым потенциалом, но и некой исторически сложившейся формой легитимности, дающей ей право на обеспечение порядка в регионе. Если культурно – этническое (и, конечно же, религиозное) родство отсутствует, то способность государства урегулировать конфликты и исполнять доминирующую роль сильно ограничивается. Так, в отношении югославских событий Хантингтон указывает: «Отсутствие стержневого исламского государства, которое могло бы официально и легитимно поддерживать боснийцев, как Россия – сербов и Германия – хорватов, заставила Соединённые Штаты попытаться играть эту роль. Неэффективность подобных действий объясняется тем, что у Америки не было стратегических интересов в пределе границ на территории бывшей Югославии, у неё отсутствовали культурные связи с Боснией, а европейцы противодействовали созданию мусульманского государства на территории Европы» [5].

Зоны напряжённости в отношениях между цивилизациями при подобном подходе локализируются в районах их соприкосновения, получивших названия «линии разломов». Линии разломов могут проходить как по границам между государствами, так и внутри отдельных государств, выступая в последнем случае в качестве главного дестабилизирующего фактора, лишая тем самым страну единства и стабильности («разорванные страны»). События в Югославии, сепаратистские движения в Чечне, ставшие своей целью её отделение от России, нестабильность на Украине – всё это является последствиями прохождения цивилизационных границ внутри перечисленных государств.

«Войны по линиям разломов проходят через этапы усиления, всплеска, сдерживания, временного прекращения и – изредка разрешения. Эти процессы обычно последовательны, но часто они накладываются один на другой и могут повторяться. Единожды начавшись, войны по линиям разломов, подобно многим другим межобщинным конфликтам, имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие – отклик». Идентичности, которые прежде были множественными и случайными, фокусируются и укореняются» [5].

Кроме того, расколотые страны испытывают затруднения с собственной цивилизационной самоидентификацией. В качестве примера можно упомянуть Турцию. С одной стороны мы можем наблюдать тенденцию к сохранению реформистского наследия Ататюрка и позиционирование Турции как секуляризированного государства западного типа, с другой – возрождение исламских традиций (зачастую сопряжённого с нетерпимостью к представителям других религий).

Итак, в процессе конфликта доминирующей становится именно этнорелигиозная идентичность. Хантингтон обращает внимание на тот факт, что зачастую, в повседневной мирной жизни, данная идентичность может не выступать как главенствующая. Кроме того, войны по линиям разломов обладают ещё одним, латентным свойством, оказывающим значительное воздействие на массовое сознание тех, кто в них вовлечён. В данных конфликтах, стороны не только подчёркивают собственную цивилизационную самобытность, но и выделяют (и усиливают) свойства противоположной стороны, акцентируя внимание на отсутствие консолидирующих признаков и многовековую вражду. Ярким примером подобного процесса выступили события в Югославии. «Демоны прошлого воскресают в настоящем: хорваты превращаются в «усташей», мусульмане – в «турок», сербы – в «четников». Массовые убийства, пытки, изнасилования и жестокое изгнание гражданского населения из мест постоянного проживания – всё возможно оправдать, так как межобщинную ненависть питает межобщинная ненависть. Мишенями становятся и основные символы и памятники культуры противника. Сербы систематически уничтожали мечети и францисканские монастыри, а хорваты взрывали монастыри православные» [5]. Как мы можем видеть, в данной ситуации верх одержала не тенденция к конвергенции границ, движимая экономической составляющей, а память о зверствах в Ясеноваце и Блайбургской бойне.

Итак, согласно Хантингтону, основой дифференциации между цивилизациями будет выступать религия и культура, а не политическая идеология, как это было во времена двухполярного мира. Автор «Столкновения цивилизаций» намечает несколько векторов, по которым будут усиливаться дифференцирующие процессы между различными цивилизационными системами, а именно:

- межцивилизационные конфликты станут преобладающей формой противостояния и практически полностью заменят собой идеологические;

- характер международных отношений всё больше и больше будет становиться девестернизированным. Действия незападных стран приобретут более активный характер, а западная цивилизация будет выступать как пассивный объект с большой степенью инертности (здесь уместно будет упомянуть возрастание экономической и политической мощи азиатских государств, демографический взрыв ислама и пр.);

- международные институты в области политики, экономики и решения различных социальных вопросов будут эффективно действовать в границах отдельных цивилизаций, но не на межцивилизационном уровне;

- политические элиты государств, внутри которых проходят цивилизационные границы, будут предпринимать попытки их вестернизации и включения в орбиту западного мира, что опять же приведёт к возрастанию числа конфликтов (достаточно вспомнить Приднестровский конфликт, Украину в период правления Ющенко и др.);

- частота этнорелигиозных конфликтов будет возрастать. Они будут становиться более частыми, более затяжными (иногда переходя в латентную фазу) и более кровопролитными.

В качестве итоговой фазы, венчающей дифференцирующие межцивилизационные процессы, выступит глобальная война, в которую будут вовлечены стержневые государства основных цивилизаций. Хантингтон оговаривается, что вероятность возникновения подобного конфликта хотя и не значительна, но всё – таки имеется. В выборе сторон грядущего конфликта автор «Столкновения цивилизаций» допускает вариативность. С одной стороны он считает наиболее вероятным конфликт между мусульманами и не-мусульманским миром, с другой – детально прогнозирует противостояние между США и Китаем (хотя и не исключает возможность появления исламско-конфуцианского блока).

Причиной конфликта, по мнению Хантингтона, возможно послужит попытка установления полного контроля над Южно-Китайским морем, которая будет предпринята Китаем. Китай, как впрочем, и Соединённые Штаты, попытаются в процессе конфликта заручиться поддержкой иных ключевых государств. Так, согласно сценарию Хантингтона, Япония в своей позиции в ходе конфликта сменит формальный нейтралитет на прокитайский позитивный нейтралитет. На фоне всего происходящего активизируется антизападная активность мусульманского мира. Также будет нарастать напряжённость в отношениях между Китаем и Россией. Автор «Столкновения цивилизаций» не исключает приграничных

столкновений, вызваних територіальними і демографічними причинами (спорніе участки території, защита китайской диаспори на Дальнем Востоке России и т.д.).

Следующим ключевым моментом глобального конфликта выступит проблема энергоресурсов. Так как в арабских странах всё больший вес станут приобретать исламские фундаменталисты, поставки нефти с Ближнего Востока на Запад резко уменьшатся (здесь уместно вспомнить энергетический кризис 1973 года). Западный мир, таким образом, попадёт в энергетическую зависимость от нефтяных и газовых источников в России и Средней Азии. В сложившейся обстановке Запад попытается либо склонить Россию к военному сотрудничеству либо захватить контроль над нефтяными месторождениями на Ближнем Востоке. С другой стороны, Хантингтон не исключает возможности западной помощи России для расширения её геополитического влияния и, тем самым, для установления контроля над богатыми нефтью мусульманскими странами к югу от неё.

То, что прогнозирует автор «Столкновения цивилизаций» далее несколько напоминает парадигму «всемирной анархии», представителями которой являются З. Бжезинский и Д.П. Мойниган. Здесь и применение тактического ядерного оружия Китаем и Ираном, и активные военные действия между Грецией и Турцией и возобновление кровопролитных войн и этнических чисток на Балканах. В итоге, практически весь мир окажется вовлечённым в глобальное противостояние. Хантингтон заключает: «Каким бы ни был непосредственный исход этой глобальной цивилизационной войны – взаимное ядерное опустошение, пауза для переговоров как следствие взаимного истощения или завершающий марш российских и западных войск по площади Тяньаньмэнь, – наиболее заметным долгосрочным результатом почти неизбежно станет радикальный упадок экономической, демографической и военной мощи всех основных участников войны. Вследствие этого глобальная сила, каковая веками перемещалась с Востока на Запад, а затем вновь стала смещаться с Запада на Восток, теперь передвинется с Севера на Юг. Львиную долю выгод от войны цивилизаций получают те цивилизации, которые воздержатся от участия в ней» [5].

Проводя сравнительный анализ работ Хантингтона и Фукуямы, стоит воздержаться от утверждений об абсолютной истинности (или ложности) позиций кого-либо из данных философов. Действительно, экономическая интеграция, тенденции к глобализации, возникновение наднациональных органов власти (на которые указывает в своём труде Ф. Фукуяма) присутствуют в современной социально-политической системе. Но они сосуществуют в пространстве и во времени с иными векторами – векторами этнорелигиозной дифференциации и цивилизационными разломами.

Причиной данного прогностического расхождения выступает старая методологическая проблема прогностики – невозможность выявить, какая из вероятностных тенденций станет доминирующей в завтрашнем мире. Редукция проблемы будущего к одному вектору (интеграции, как у Фукуямы, или дифференциации, как в случае Хантингтона) с одной стороны вполне удобно вписывает прогноз в рамки какой-либо уже существующей парадигмы, с другой – делает его монокаузальным и одномерным. Кроме того, в данном случае мы опять можем столкнуться с классической методологической проблемой – проблемой нефункционирования линейной экстраполяции в сфере прогнозов. Не следует исключать и то обстоятельство, что в нашем уже ближайшем «завтра» могут появиться абсолютно новые векторы и тенденции, которые не были предусмотрены прогнозами сегодняшних дней.

Бібліографічний список використаної літератури

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 588 с.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сб. / А. Дж. Тойнби. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 640 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. — 1994. — № 1. — С. 33–48.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2005. — 603 с.

Поступила в редакцию 16.09.2011 г.

Гарас Л.М., Ткаченко Р.В. Концепції конвергенції і дивергенції цивілізацій: порівняльний аналіз

Акцентується увага на проблемі соціально-політичного прогнозування та тенденціях розвитку сучасних геополітичних процесів. Проводиться порівняльний аналіз концепцій конвергенції і дивергенції цивілізацій.

Ключові слова: соціально-політичний прогноз, геополітичний процес, конвергенція, цивілізація.

Garas L., Tkachenko R. The concept of convergence and clash of civilizations: a comparative analysis

The article focuses on the issue of socio-political trends and forecasting of modern the geopolitical processes. A comparative analysis of the concept of convergence and clash of civilizations.

Keywords: socio-political forecast, geopolitical process, convergence, civilization.